

Перечень «критериев» занимает в статье несколько строк, а до того целые страницы отведены вопросу о самой возможности перевода. Хотя сам этот вопрос им прямо не формулируется, приведенные им многочисленные примеры признанных древнеримских и французских опытов перевода не могут быть иначе поняты как доказательство самой возможности «доброто» перевода. Рассуждение Трелиаковскогo носит полемический характер, он не высказывает, а скорее, отстаивает мнение о правомерности перевода как такового. Рассуждение на эту тему может показаться странным, и уж совсем непонятен пыл Трелиаковскогo. Кажется, что он ломится в открытые двери, ведь трудно предположить, что в 1752 г. могли возникать сомнения в возможности перевода. Однако, если автор свое мнение ревностно отстаивает, значит, оно, мнение, в этом нуждается, и есть люди, с ним не согласные. Действительно, если вернуться в начало длинного пассажа о переводе, обнаружится незаметное при первом чтении место. Говоря о предпринятом им труде над переводом Буало, Трелиаковский с горечью замечает, что вместо заслуженных похвал он, скорее, встретит «укоризны и похуления». Их он ожидает услышать от «различных пристрастий языков», которые, по его мнению, «не преминут, может быть, разглашать следующее: 1) „Возможно ль статья, чтоб переводные стихи с стихов могли быть столько ж хороши, сколько подлинные, для того что и прозаический перевод теряет много силы и красоты пред подлинником, не то что стихи?“ 2) „Да как сему пиитическому переводу быть притом и хорошему потому, что трудившийся употребил тут же хорейский гексаметр, который токмо нежен, а не один ямбический, кой есть высок и благороден?“».³ В приведенном месте проявляется характерная для Трелиаковскогo манера высказывания — некоторая недосказанность в нем сочетается с педантической точностью. В ходе общих рассуждений о достоинствах перевода намек на критику непонятен, а в то же время сама эта критика воспроизведена точно, на что указывает ее графическое выделение как цитаты. По-видимому, Трелиаковский здесь передает реплики своих оппонентов, причем оппонентов не мысленных, а вполне реальных. Верность этого предположения подтверждает история текста предисловия.

Попавшее в составе рукописи «Сочинений и переводов» на апробацию к Г. Ф. Миллеру и И. К. Тауберту предисловие вместе с первым томом было разрешено к печати, но рецензенты в своем отзыве, в частности, отмечали, что то, «что показалось им в предисловии несколько жестковатым или чтобы за уязвление от кого-нибудь принято быть могло, оное все автор при них переправил».⁴ Уже

---

³ Трелиаковский В. К. К читателю // Трелиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою: В 2 т. СПб., 1752. Т. 1. С. V.

⁴ Пекарский П. Трелиаковский Василий Кириллович // Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 164.